

Региональная экономика

Научная статья

УДК 334.722:314.18(470+571)

DOI: <https://doi.org/10.17308/econ.2025.4/13359>

JEL: L31; J14; R58

Социальное предпринимательство в условиях усиления асимметрии возрастной структуры населения: региональные особенности, проблемы и перспективы

Т. Д. Ромащенко¹✉, Е. И. Козлова², А. Е. Кисова³

¹ Воронежский государственный университет, Университетская пл., 1,
394018, Воронеж, Российской Федерации

^{2,3} Липецкий государственный технический университет, ул. Московская, 30,
398055, Липецк, Российской Федерации

Предмет. Специфические условия функционирования и результативность социального предпринимательства (СП) в контексте старения населения Липецкой области.

Цель. Комплексная оценка текущего состояния и перспектив развития социального предпринимательства в Липецкой области с акцентом на выявление проблемных зон и точек роста для снижения зависимости от государственных институтов и повышения качества жизни старшего поколения.

Методология. В процессе достижения поставленной цели использовались теоретические (анализ, синтез, индукция, дедукция) и эмпирические (наблюдение) методы исследования, а также методы сравнительного, структурного анализа деятельности социальных предприятий и оценки динамики демографических показателей.

Результаты. В процессе исследования была выявлена противоречивая динамика развития сектора социального предпринимательства в регионе. Ключевые показатели плотности социальных предприятий на душу населения остаются критически низкими и существенно отстают от лидеров. Доминирует формальный признак социального предпринимательства – трудоустройство инвалидов, часто мотивированное налоговыми льготами, а не решением социальных задач. При этом прямое участие СП в предоставлении услуг для пожилых минимально, несмотря на то, что доля населения старше трудоспособного возраста устойчиво превышает 27 %.

Выводы. Существующая модель СП в области не ориентирована на ключевую региональную потребность – создание услуг для пожилых. Для реализации потенциала сектора необходима целенаправленная политика, стимулирующая предприятия, непосредственно предоставляющие услуги по уходу, сопровождению и досугу, что снизит нагрузку на госсектор и повысит качество жизни старшего поколения.

Ключевые слова: социальное предприятие, демографическая нагрузка, социальный франчайзинг, пожилое население.

Для цитирования: Ромащенко, Т. Д., Козлова, Е. И., & Кисова, А. Е. (2025). Социальное предпринимательство в условиях усиления асимметрии возрастной структуры населения: региональные особенности, проблемы и перспективы. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление*, (4), 52–66. DOI: <https://doi.org/10.17308/econ.2025.4/13359>

Regional Economics

Original article

UDC 334.722:314.18(470+571)

DOI: <https://doi.org/10.17308/econ.2025.4/13359>

JEL: L31; J14; R58

Social entrepreneurship in the context of increasing asymmetry in the population age structure: regional specifics, challenges and prospects

T. D. Romashchenko¹✉, E. I. Kozlova², A. E. Kisova³

¹ Voronezh State University, 1 University Sq., 394018, Voronezh, Russian Federation

^{2,3} Lipetsk State Technical University, 30 Moskovskaya St., 398055, Lipetsk, Russian Federation

Subject. The specific operational conditions and effectiveness of social entrepreneurship in the context of population aging in the Lipetsk Region.

Purpose. A comprehensive assessment of the current state and development prospects of social entrepreneurship in the Lipetsk Region, with a focus on identifying problem areas and growth opportunities to reduce dependency on state institutions and improve the quality of life for the elderly population.

Methods. The study employed a combination of theoretical (analysis, synthesis, induction, deduction) and empirical (observation) research methods, alongside comparative and structural analysis of social enterprise activities and assessment of demographic trends.

Results. The study revealed contradictory dynamics in the development in the region's social entrepreneurship sector. Key indicators, such as the density of social enterprises per capita, remain critically low and lag significantly behind leading regions. The formal attribute of social entrepreneurship – the employment of people with disabilities – predominates, often motivated by tax benefits rather than by solving social issues. Meanwhile, the direct involvement of social enterprises in providing services for the elderly remains minimal, despite the share of the population above working age consistently exceeding 27 %.

Conclusions. The existing model of social entrepreneurship in the region is not oriented toward the key regional need – creating services for the elderly. Realizing the sector's potential requires a targeted policy that stimulates enterprises to directly provide care, support and leisure services. This would reduce the burden on the public sector and enhance the quality of life for the older generation.

Key words: social enterprise, demographic burden, social franchising, elderly population.

For citation: Romashchenko, T. D., Kozlova, E. I., & Kisova, A. E. (2025). Social entrepreneurship in the context of increasing asymmetry in the population age structure: regional specifics, challenges and prospects. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management*, (4), 52–66. DOI: <https://doi.org/10.17308/econ.2025.4/13359>

Введение

Современные демографические тенденции, характеризующиеся устойчивым старением населения, представляют собой один из ключевых вызовов для социально-экономического развития многих регионов мира и Российской Федерации в частности. Увеличение доли лиц старше трудоспособного возраста создает значительную демографическую нагрузку на трудоспособное население, бюджетную систему и институты социальной поддержки. Эта нагрузка проявляется в растущем спросе на услуги здравоохранения, долгосрочного ухода, социального сопровождения, адаптации среды обитания и организации досуга, что ложится тяжелым бременем на традиционные государственные и муниципальные структуры. В условиях ограниченности бюджетных ресурсов и необходимости повышения эффективности социальных расходов поиск альтернативных, устойчивых моделей предоставления социальных услуг становится императивом.

Социальное предпринимательство (далее – СП) в этом контексте все чаще рассматривается как перспективный инструмент решения острых социальных проблем, сочетающий социальную миссию с рыночными механизмами. СП, ориентированное на создание социальной ценности и достижение общественно полезных целей, обладает потенциалом для предложения инновационных, гибких и адресных решений, особенно в нишах, недостаточно охваченных государственным сектором или коммерческим бизнесом. Международный опыт (Global Entrepreneurship Monitor (GEM), Центр социальных инвестиций Гейдельбергского университета) демонстрирует разнообразие сфер приложения СП, включая образование, социальные услуги, реабилитацию, экологию и, что особенно актуально для стареющих обществ, уход за пожилыми людьми.

Поскольку законодательное закрепление социального предпринимательства в РФ (ФЗ № 255-ФЗ от 26 июля 2019 г.) состоялось лишь недавно, на сегодняшний день оно представляет собой формирующийся, развивающийся сектор. Федеральная и региональная поддержка СП, оцениваемая через систему рейтингов субъектов РФ, направлена на стимулирование его роста. Однако эффективность этой поддержки и реальный вклад СП в решение конкретных региональных проблем,

особенно связанных с демографическим старением, требуют детального изучения.

Липецкая область представляет собой яркий пример региона с высоким уровнем коэффициента пенсионной нагрузки. На протяжении последних десятилетий здесь наблюдаются устойчивые тенденции сокращения доли трудоспособного населения и роста доли населения старшего трудоспособного возраста, которая стабильно превышает среднероссийский показатель (27 % на 1 января 2023 г. против общероссийского 16–17 %). Несмотря на временный корректирующий эффект пенсионной реформы, сохраняется острота структурных демографических вызовов. Данная ситуация актуализирует необходимость развития эффективных негосударственных форм предоставления социальных услуг и поддержки лиц пожилого возраста. Внедрение таких механизмов способно привести к снижению институциональной нагрузки на государственный сектор и существенному повышению качества жизни старшего поколения.

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью глубокого анализа реального состояния, специфики и потенциала социального предпринимательства именно в таких регионах, как Липецкая область, где демографический фактор диктует особые требования к социальной политике. Существует явное противоречие: с одной стороны, налицо острая социальная потребность в услугах для пожилого населения; с другой стороны, несмотря на формальное развитие инфраструктуры поддержки СП и улучшение позиций области в федеральных рейтингах, фактическая вовлеченность зарегистрированных социальных предприятий в решение именно этой ключевой для региона проблемы остается крайне низкой. Доминирующей формой признания СП является трудоустройство инвалидов, часто мотивированное налоговыми льготами, в то время как сфера социальных услуг для пожилых занимает маргинальное место в деятельности таких предприятий.

Целью настоящего исследования является комплексная оценка текущего состояния и перспектив развития социального предпринимательства в Липецкой области как в регионе с высокой демографической нагрузкой пожилым населением с акцентом на выявление проблемных зон и точек роста для снижения зависимости от государственных институтов и

повышения качества жизни старшего поколения. Исследование направлено на выявление степени соответствия существующей структуры и направленности деятельности социальных предприятий актуальным социальным потребностям стареющего населения, оценку эффективности мер региональной поддержки СП и определение ключевых точек роста для его ориентации на решение специфических демографических вызовов территории. Результаты исследования призваны обосновать необходимость и векторы целенаправленной корректировки региональной политики в сфере поддержки СП для максимального раскрытия его потенциала в повышении качества жизни пожилых граждан и устойчивости социальной сферы области.

Обзор предшествующих работ

Социальное предпринимательство как концепция, сочетающая в себе ориентацию на получение прибыли и одновременно адресную поддержку отдельных социальных групп и/или достижение выгод для общества в целом, находится в центре внимания исследователей с 1980-х гг. Объединение в социальном предпринимательстве коммерческого и некоммерческого начал на основе особых моделей поведения социальных предпринимателей формирует междисциплинарный характер научной темы, которая затрагивает практически всю совокупность социальных наук (Halsall et al., 2022).

Основным аспектом исследования социального предпринимательства в зарубежной литературе, как отмечают Katalin & Pásztor (2022), является анализ управления и организационной культуры социального предпринимательства, при этом многоплановость явления (переплетение, прежде всего, экономических, социальных и законодательных характеристик) ведет к нехватке «определений, концептуализаций и измерений». Так, например, хотя концептуальную основу социального предпринимательства составляет социальная экономика, ее понятийным наполнением могут выступать неравнозначные термины – некоммерческий сектор, третий сектор, экономика солидарности, социальное предприятие и др. (Katalin & Pásztor, 2022). На фрагментарность области исследования и отсутствие единой теоретической структуры по социальному предпринимательству обращают внимание Fernández-Guadaño &

Diez (2024). Авторы особо выделяют проблему малого объема эмпирических данных, подтверждающих преимущества социального предпринимательства. В настоящее время во многих исследованиях масштабы развития социальной экономики оцениваются на основании результатов сравнительного анализа оценок экспертов, так как гармонизированная статистическая база еще отсутствует (Terziev et al., 2020). В целом западные исследователи прогнозируют увеличение доли социальных предприятий в европейской социальной модели. Такая динамика обусловлена ростом спроса и предложения на услуги, предоставляемые социальными предприятиями, под влиянием изменений «моделей поведения и образа жизни в сочетании с трансформацией систем социального обеспечения».

Обзор отечественной литературы по социальному предпринимательству показывает, что в раскрытии содержания данного понимания преобладает ракурс, направленный на поиск мотивационной составляющей – создание ценности на основе социальной миссии (Шохова, 2015; Арай, Бурмистрова, 2014; Благов, Арай, 2010; 2014; Баталина и др., 2007; Быстрова, Широкова, 2014; Широкова, Богатырева, 2014; Московская, 2011), а само социальное предпринимательство как новая бизнес-модель в российских регионах находится на стадии формирования (Katalin & Pásztor, 2022; Артамонова, 2022). Нарастание демографического старения населения в РФ создает новые возможности «для повышения благополучия пожилых людей», в том числе посредством возможностей «социального предпринимательства в решении этих актуальных проблем» (Недоспасова и др., 2021).

В контексте демографического старения населения особое значение приобретают региональные исследования, раскрывающие неравномерность темпов старения населения по субъектам РФ. Так, А. Г. Вишневский и А. А. Иванова (2022) подчеркивают, что старение населения в Центральном и Центрально-Черноземном федеральных округах происходит быстрее, чем в среднем по стране, что связано с исторически сложившейся миграционной отрицательной динамикой и низкой рождаемостью. Аналогичные выводы содержатся в работе Е. М. Андреева и А. Д. Харькова (2023), где показано, что в регионах с высокой долей сельского населения и слаборазвитой инфраструктурой социального

обслуживания демографическая нагрузка на трудоспособное население достигает критических значений.

На региональном уровне особую остроту проблема приобретает в условиях ограниченных бюджетных возможностей и низкой плотности негосударственных поставщиков социальных услуг. В статье А. И. Захарова и М. В. Кузнецовой (2023) на примере Воронежской, Липецкой и Тамбовской областей продемонстрировано, что рост численности населения старше 65 лет опережает развитие инфраструктуры долговременного ухода, что создает угрозу социальной изоляции и снижения качества жизни пожилых граждан.

Важный вклад в понимание демографических вызовов внесла также работа А. С. Каракиной и С. В. Рязанцева (2021), где подчеркивается, что в отсутствие эффективных механизмов вовлечения негосударственного сектора в сферу социального обслуживания старшего поколения нагрузка на муниципальные учреждения становится непосильной, особенно в малых городах и сельской местности.

Региональный аспект оценки влияния на развитие социально-экономической структуры был проанализирован Е. И. Козловой и О. В. Титовой (2023). В статье был сделан вывод о том, что несмотря на временное снижение доли населения старше трудоспособного возраста в Липецкой области после повышения пенсионного возраста, регион сохраняет одну из самых высоких в РФ демографических нагрузок, что усиливает необходимость развития альтернативных форм социального обслуживания.

Таким образом, в отечественной научной литературе накоплен значительный эмпирический и теоретический материал по демографическому старению на региональном уровне, однако мало исследований, объединяющих эту проблематику с потенциалом социального предпринимательства как инструмента децентрализованного, гибкого и клиентоориентированного реагирования на вызовы старения. Именно этот пробел и стремится частично закрыть данное исследование.

Методика и инструментарий исследования

Методическая основа исследования базируется на комплексном подходе, направленном на выявление специфики функционирования и потенциала социального пред-

принимательства в регионе с выраженным демографическим старением на примере Липецкой области. Исследование носит аналитико-оценочный характер и опирается преимущественно на анализ вторичных данных из представительных официальных источников за период 2017–2023 гг., что позволяет проследить динамику ключевых показателей.

Основу методики составил системный анализ следующих взаимосвязанных блоков данных.

Во-первых, демографическая ситуация и нагрузка. Данный блок включал в себя анализ динамики возрастной структуры населения (с акцентом на долю лиц старше трудоспособного возраста), коэффициентов демографической нагрузки, тенденций естественного и миграционного движения. Источниками выступили официальные публикации Росстата и Липецкстата, а также научные работы, содержащие анализ последствий пенсионной реформы для региона.

Во-вторых, оценка институциональной среды и государственной поддержки: в частности, в статье было осуществлено исследование нормативно-правовых основ социального предпринимательства в РФ (с акцентом на Федеральный закон № 255-ФЗ) и произведена оценка эффективности региональных механизмов поддержки. Ключевым инструментом стал анализ результатов ежегодного Рейтинга субъектов Российской Федерации по итогам реализации механизмов поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций (далее – СОНКО) и социального предпринимательства. Данный рейтинг, разработанный Минэкономразвития РФ, рассматривается как комплексный индикатор, включающий оценку по восьми направлениям (например, плотность СОНКО и соцпредприятий, доступность инфраструктуры поддержки, доля негосударственных учреждений соцобслуживания). Анализ позиций Липецкой области в данном рейтинге и динамики его составляющих за 6 лет (2017–2023 гг.) позволил выявить тенденции и проблемные зоны в развитии институциональной среды.

В-третьих, изучение состояния и структуры сектора социального предпринимательства в регионе, в частности изучение количественных показателей (число зарегистрированных социальных предприятий, их плотность на 10 тыс. населения, доля от общего числа субъ-

ектов МСП) и, что наиболее важно, качественной структуры их деятельности. Источниками послужили данные Реестра субъектов МСП Липецкой области и результаты исследований, описывающих распределение социальных предприятий по сферам деятельности (с акцентом на долю организаций, непосредственно предоставляющих услуги пожилому населению). Особое внимание уделялось анализу оснований для признания предприятий социальными (трудоустройство уязвимых групп, производство товаров/услуг для них, общественно полезная деятельность).

В-четвертых, анализ соответствия структуры деятельности социальных предприятий потребностям населения старших возрастов. В статье был проведен сопоставительный анализ выявленной структуры деятельности социальных предприятий и объективных потребностей, обусловленных демографической ситуацией (потребность в услугах ухода, сопровождения, поддержки мобильности, организации досуга и т.д.). Этот блок включал анализ данных о доле частных медицинских организаций в системе ОМС как индикатора присутствия негосударственного сектора в смежной сфере.

Также аналитический инструментарий включал такие методы, как сравнительный анализ, структурно-динамический, контент-анализ нормативных правовых актов и программных документов и критическую интерпретацию данных.

Ограничения методологии связаны преимущественно с использованием вторичных данных, что не позволило провести глубинные интервью с социальными предпринимателями или представителями органов власти для выяснения неочевидных барьеров и мотиваций. Однако репрезентативность и официальный статус использованных источников обеспечивают достоверность полученных выводов о макротенденциях и структурных проблемах.

Таким образом, примененная методология позволила системно оценить состояние социального предпринимательства в Липецкой области через призму его способности отвечать на вызовы, порождаемые высоким уровнем демографической нагрузки пожилым населением, выявить ключевые диспропорции и сформулировать направления для корректировки региональной политики.

Результаты исследования

В социальном развитии общества центральная роль традиционно принадлежит органам государственной власти. Однако решение некоторых социальных проблем в отдельной их части может быть открыто для рынка частных и других неправительственных организаций в форме социальной предпринимательской деятельности. Современная концепция социального предпринимательства не содержит единого определения этого явления, поскольку его развитие отличается в различных социально-экономических системах (Gigauri et al., 2022). В самом узком представлении социальное предпринимательство означает деятельность организации, которая руководствуется созданием социальной ценности и одновременно стремится к получению прибыли (Кисова, 2024). Такой подход, согласно мнению аналитиков GEM, предполагает следующие рамки социального предпринимательства:

- приоритет социальной ценности над финансовой ценностью;

- производство рыночных товаров и услуг.

Материалы отчета GEM по исследованию социального предпринимательства, основанному на интервью с почти 168 тыс. человек в 58 странах в 2015 г., показывают, что в целом в таком контексте социальное предпринимательство по сравнению с коммерческим бизнесом остается сравнительно редким (Ромащенко, Кисова, 2020). Средний уровень распространенности действующей социальной предпринимательской деятельности в обследованных регионах составляет 1,2 %. При этом отмечается немалая известность предприятий, целью которых является решение социальных проблем – в среднем информированными являются 32 % взрослого населения в возрасте от 18 до 64 лет¹.

Социальное предпринимательство может быть сосредоточено на помощи малообеспеченной части общества, благотворительной деятельности, стремлении производить экологически чистую продукцию. Например, в качестве конкретных сфер социальной предпринимательской деятельности в отчете GEM рассматриваются следующие виды деятельности: предоставление услуг и обучение социально

¹ Липецкая область в цифрах. (2024). Краткий статистический сборник. Липецк : Липецкстат, 193 с.

обездоленным людям или людям с ограниченными возможностями; деятельность, направленная на сокращение загрязнения или пищевых отходов; организация групп самопомощи для общественных действий². В отчете аналитиков Центра социальных инвестиций Гейдельбергского университета рассмотрено более 10 сфер социального предпринимательства: образование и наука; социальные услуги; восстановление на рынке труда; предложение жилья; защита окружающей среды; спорт, культура, отдых; медицинское обслуживание; финансирование; консультации и др.³

Для российской практики термин «социальное предпринимательство» является относительно новым (Ромашенко и др., 2018). Но в целом содержание и направления развития этого вида бизнеса не отличаются от сложившихся за рубежом. Так, Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» № 255-ФЗ от 26 июля 2019 г. социальным предприятием признает деятельность субъектов МСП, если они: обеспечивают занятость социально-уязвимых категорий граждан; реализуют товары, работы или услуги, произведенные гражданами социально-уязвимых категорий; являются производителями товаров, работ или услуг, предназначенных для социально-уязвимых категорий граждан; осуществляют деятельность, направленную на достижение общественно полезных целей и способствующую решению социальных проблем общества (педагогические услуги, организация отдыха и оздоровления детей, культурно-просветительская и иная деятельность) (Архипова и др., 2023).

В рейтинге субъектов Российской Федерации по итогам реализации механизмов поддержки социально ориентированных

² United Nations (2020). World youth report: Youth Social Entrepreneurship and the 2030 Agenda. URL: <https://www.un.org/development/desa/youth/wp-content/uploads/sites/21/2020/10/WYR2020-Chapter1.pdf>

³ Минэкономразвития России. (2023). Анализ результатов рейтинга субъектов Российской Федерации по итогам реализации механизмов поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций и социального предпринимательства, обеспечения доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере и внедрения конкурентных способов оказания государственных (муниципальных) услуг в 2023 году. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/7ab7b4153c4b80db4c4e02dc767e8bbf/reyting_za_2023.pdf

некоммерческих организаций и социального предпринимательства регионы разделены на пять групп по мере уменьшения набранных баллов, исходя из восьми направлений оценки. В таблице представлена динамика рейтинга поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций и социальных предпринимателей и отдельных его составляющих для Липецкой области за 2017–2023 гг.

За семилетний период регион демонстрировал значительные колебания. Пиковое значение было достигнуто в 2020 г., когда область заняла 14-е место и вошла во 2-ю группу (регионы-кандидаты на лидерство) с баллом 32,07. Однако в 2021 г. последовал резкий спад до 56-го места и переход в 4-ю группу (регионы, делающие первые шаги) при 25,58 балла. При сохранении аналогичного балла в 2022 г. позиция региона улучшилась до 40-го места в 3-й группе (регионы со средним уровнем), что свидетельствует об общей стагнации других субъектов. Наиболее значительный прогресс отмечен в 2023 г.: значение показателя выросло более чем на треть (до 44,02 балла), что позволило Липецкой области уверенно вернуться во 2-ю группу, заняв в ней 18-е место.

В то же время анализ плотности распределения СОНКО выявляет негативную тенденцию. После максимального значения в 2019 г. (10,5 организаций на 10 тыс. человек) с 2020 г. данный показатель стабилизировался на уровне менее 8 ед./10 тыс. чел. (7,99 в 2023 г.), что соответствует низкой 4-й группе рейтинга. Это значение существенно уступает показателям регионов-лидеров, где плотность СОНКО варьируется от 22 до 36 единиц.

Заметим, что мониторинг данных, детализированных по данному направлению с 2021 г., показывает, что абсолютное количество социальных предприятий невелико, но имеет позитивную динамику роста (с 0,47 до 0,9 ед./10 тыс. чел. к 2023 г.). При этом область демонстрирует исключительно высокую эффективность в охвате поддержкой существующих предприятий. Так, в 2022 г. 100 % социальных предприятий получили поддержку через центры инноваций социальной сферы, что соответствовало 1-й (высшей) группе рейтинга. В 2023 г. охват сохранился на уровне 98,41 %, также оставив регион в группе лидеров.

При этом важным фактором, оказавшим положительное влияние на интегральный рейтинг, является развитие альтернативных форм

Таблица

Показатели рейтинга поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций и социальных предпринимателей Липецкой области в 2017–2023 гг.

Показатель	Годы						
	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Рейтинг							
Номер в рейтинге	40	26	59	14	56	40	18
Группа	3	3	4	2	4	3	2
Значение показателя	32,06	24,65	15,9	32,07	25,58	25,58	44,02
Количество социально ориентированных некоммерческих организаций (СОНКО) на 10 тыс. населения							
Номер		47	50	62	61	61	63
Группа		3	4	4	4	4	4
Значение показателя		10,2	10,5	7,78	7,88	7,92	7,99
Количество социальных предприятий на 10 тыс. населения (ед.)							
Номер				38	41	39	
Группа				4			
Значение показателя				4			
				3			
				0,47			
				0,58			
				0,9			
Доля социальных предприятий, получивших поддержку в рамках деятельности центров инноваций социальной сферы или иных объектов инфраструктуры субъектов малого и среднего предпринимательства, входящих в состав Центров «Мой бизнес», в общем количестве социальных предприятий в субъекте Российской Федерации, %							
Номер				15	14	14	33
Группа				3			
Значение показателя				1			
				1			
				82,69			
				100			
				98,41			
Удельный вес учреждений социального обслуживания, основанных на иных формах собственности, в общем количестве учреждений социального обслуживания всех форм собственности, %							
Номер				12	7		
Группа				2			
Значение показателя				1			
				52			
				68,18			

собственности в социальной сфере (Гурина и др., 2024). Удельный вес учреждений социального обслуживания, основанных на иных (немуниципальных) формах собственности, вырос с 52 % (2022 г., 2-я группа) до 68,18 % (2023 г., 1-я группа).

Таким образом, по результатам анализа было выявлено, что основным драйвером перехода в группу регионов-кандидатов на лидерство стала не абсолютная численность СОНКО или социальных предприятий, а высокий уровень вовлеченности муниципалитетов. Именно реализация программ поддержки СОНКО на уровне 65 % муниципальных районов и городских округов позволила Липецкой области компенсировать относительно скромные количественные показатели и занять более высокую позицию в общероссийском рейтинге.

По результатам проведенного статистического анализа было выявлено, что в 2023 г. в реестре субъектов малого и среднего предпринимательства по Липецкой области в качестве субъектов социального предпринимательства было зарегистрировано 72 организации, что составило 0,184 % от общего количества субъ-

ектов МСП в регионе (39 193 ед., в том числе 27 435 индивидуальных предпринимателей) (Герсонская и др., 2021). При этом для 3/4 организаций основанием для их признания социальными предпринимателями послужило включение в штат сотрудников лиц, признанных инвалидами (рис. 1). В таком подходе, на наш взгляд, просматривается не столько социальная ориентированность бизнеса, сколько использование законодательных возможностей снижения налогового бремени.

При этом необходимо обратить внимание на то, что Липецкая область является регионом с суженным режимом воспроизводства человеческих ресурсов. С начала 2010-х гг. также сокращалась численность населения в трудоспособном возрасте и увеличивалась численность населения в возрасте старше трудоспособного (Kozlova & Titova, 2022). В результате поднятия верхней границы трудоспособного возраста в 2022 г. в области впервые произошло увеличение численности населения в трудоспособном возрасте как в абсолютном, так и в относительном выражении (рис. 2). Однако рассматривать эту динамику как устойчивую пока нет осно-

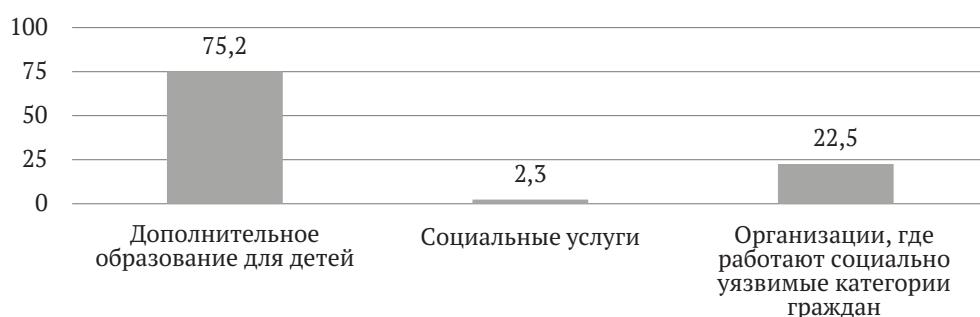

Рис. 1. Сфера деятельности субъектов социального предпринимательства в Липецкой области за 2020–2023 гг., % (Terziev et al., 2020)

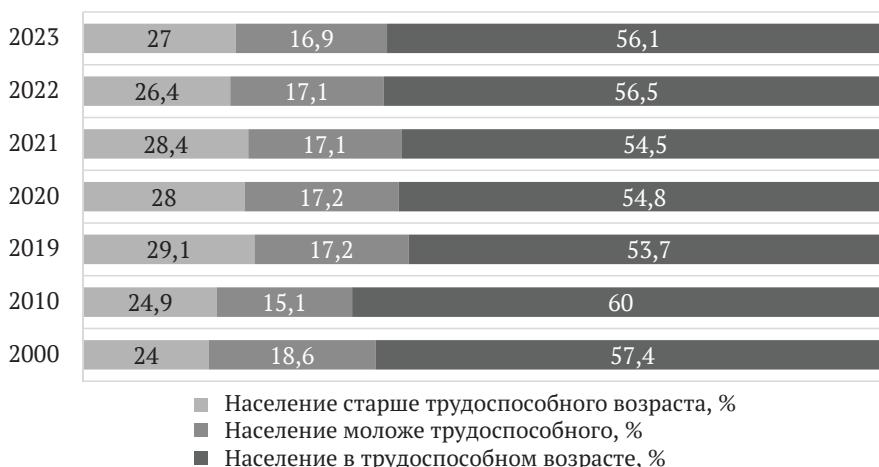

Рис. 2. Возрастная структура населения Липецкой области, 2000–2023 гг., на начало года, %

ваний. В 2023 г. доля численности населения в трудоспособном возрасте опять снизились.

На начало реализации пенсионной реформы доля населения в Липецкой области в возрасте старше трудоспособного составляла 29,1 %, превысшая на 4,1 п. п. долю этой же возрастной группы населения в общей численности населения РФ в целом. За первые три года реализации пенсионной реформы (на 1 января 2022 г.) доля лиц старше трудоспособного возраста снизилась до 26,4 %. Но на 1 января 2023 г. доля этой группы населения региона показала прирост на 0,6 п. п. и составила 27 % (Scheuerle et al., 2013).

Прямыми следствиями процесса старения населения являются как увеличение числа пожилых работников в составе будущей рабочей силы, так и множество проблем стареющего населения как такового – со здоровьем, в связи с ограниченной мобильностью, отсутствием опекунов и др. Увеличение продолжительности жизни нередко приводит к ухудшению качества жизни. Сохранение хорошего физического и психического здоровья у пожилых людей является фактором активного долголетия.

Практика других стран показывает, что решение вопросов стареющего населения, таких как уход и общественные услуги для пожилых людей, может дополняться участием социальных предприятий. Социальные предприятия в большей степени готовы принимать инновационные решения или ориентироваться на конкретных людей, чем стандартные поставщики медицинских и социальных услуг, т. е. государственный сектор.

В Липецкой области, согласно рейтингу регионов за 2022 г., доля медицинских организаций частной системы здравоохранения, участвующих в реализации территориальной программы обязательного медицинского страхования, в общем количестве медицинских организаций, участвующих в реализации территориальной программы обязательного медицинского страхования, весьма высока: в 2022 г. на составила 54,39 %, в 2023 г. – 53,06 %. В то же время сфера социальных услуг занимает всего 2,3 % в деятельности предприятий, зарегистрированных как социальные (см. рис. 1).

Обсуждение результатов

Проведенный анализ развития социального предпринимательства в Липецкой области, характеризующейся устойчиво высокой демо-

графической нагрузкой пожилым населением (доля лиц старше трудоспособного возраста стабильно превышает 27 %), выявляет ряд значимых противоречий и системных вызовов. Полученные результаты позволяют углубить понимание реального вклада СП в решение острых социальных проблем, связанных со старением населения, и факторов, сдерживающих его потенциал.

За период 2021–2023 гг. наблюдаются позитивные изменения: регион улучшил свои позиции в общероссийском рейтинге, переместившись из четвертой группы (56-е место) во вторую (18-е место), а также продемонстрировал рост абсолютного количества социальных предприятий. Однако относительный показатель плотности социальных предприятий на душу населения свидетельствует о структурной проблеме. Его значение в 2023 г. (0,9 на 10 тыс. чел.) является критически низким и несопоставимым с аналогичными метриками ведущих регионов, где показатель достигает 22–36 единиц. Более того, сам механизм достижения рейтинговых позиций вызывает вопросы: он в значительной степени обусловлен высокой долей муниципалитетов, реализующих программы поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций, численно преобладающих над собственно социальными предприятиями. Это указывает на то, что существующие системы оценки скорее фиксируют административные усилия, нежели реальное развитие социального предпринимательства как рыночно-ориентированного инструмента решения социальных задач.

Структура деятельности зарегистрированных социальных предприятий региона демонстрирует явное несоответствие актуальным потребностям стареющего населения. Доминирующим основанием для признания субъекта МСП социальным предприятием (в 75 % случаев) является трудоустройство лиц с инвалидностью. Хотя эта деятельность несомненно важна, ее преобладание, особенно на фоне налоговых льгот, связанных с наймом инвалидов, позволяет предположить, что мотивация многих организаций носит скорее фискальный, нежели социально-преобразующий характер. При этом сфера непосредственного предоставления социальных услуг, особенно направленных на пожилых граждан (уход, сопровождение, организация

досуга, преодоление изоляции, адаптация среды), занимает маргинальное положение – всего 2,3 % в деятельности социальных предприятий. Это особенно парадоксально и проблематично в контексте выраженного демографического старения Липецкой области, где потребность в качественных, доступных и индивидуализированных социальных услугах для пожилых постоянно растет. Данный дисбаланс свидетельствует о слабой связи между формальным статусом «социального предприятия» и его реальной ориентацией на приоритетные социальные нужды территории.

Контраст между развитием частного сектора в здравоохранении (высокая доля участия в ОМС – свыше 53 %) и слабым развитием социального предпринимательства в социальном обслуживании пожилых требует отдельного осмысления. Он подчеркивает, что коммерческая привлекательность и регулируемость сектора являются ключевыми факторами для частных инвестиций. Сфера же социальных услуг для пожилых, особенно долговременного ухода, часто характеризуется высокой трудоемкостью, сложностью стандартизации, необходимостью глубокого понимания специфических потребностей и относительно низкой рентабельностью в краткосрочной перспективе. Это делает ее менее привлекательной для традиционного бизнеса и подчеркивает потенциально уникальную роль именно социальных предприятий, способных сочетать миссию и устойчивость. Однако текущие условия и механизмы поддержки в Липецкой области явно недостаточны для стимулирования социального предпринимательства к выходу на этот стратегически важный рынок услуг.

Полученные данные ставят под сомнение эффективность существующей региональной политики поддержки социального предпринимательства в контексте демографических вызовов. Улучшение позиций в рейтинге не привело к значимому увеличению числа предприятий, фокусирующихся на проблемах старения. Это указывает на необходимость пересмотра критерии поддержки и оценки, смещения акцента с формальных показателей (таких как количество зарегистрированных предприятий или доля муниципальных программ) на реальное социальное воздей-

ствие, особенно в приоритетных для региона сферах, таких как поддержка пожилого населения. Требуется разработка и внедрение целевых мер стимулирования, учитывающих специфику создания и функционирования предприятий, ориентированных на представление социальных услуг пожилым: возможно, через специализированные гранты, льготное кредитование, поддержку в разработке инновационных моделей обслуживания (включая элементы социального франчайзинга) (Шамрина, Кисова, 2021), создание инфраструктуры для обучения специалистов и обмена лучшими практиками.

Заключение

Проведенное исследование состояния социального предпринимательства в Липецкой области, характеризующейся высокой и устойчивой демографической нагрузкой пожилым населением, выявило существенный разрыв между объективными потребностями региона и реальным вкладом данного сектора в их удовлетворение. Несмотря на формальное улучшение позиций области в общероссийских рейтингах поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций и социального предпринимательства, достигнутое в 2023 г., глубинный анализ свидетельствует о системных ограничениях и недостаточной стратегической направленности развития.

Ключевой проблемой является доминирование мотивации, связанной с получением налоговых преференций, а не с решением актуальных социальных задач. Три четверти зарегистрированных социальных предприятий обосновывают свой статус исключительно трудоустройством лиц с инвалидностью, что, безусловно, важно, но не отвечает на вызовы стремительного старения населения. При этом сфера непосредственного представления социальных услуг пожилым гражданам остается маргинальной, охватывая лишь около 2,3 % деятельности социальных предприятий. Это контрастирует с высокой долей частных медицинских организаций в системе ОМС (свыше 53 %), демонстрирующей потенциал негосударственного сектора в социальной сфере, но также не решающей комплекс проблем, связанных с качеством жизни в пожилом возрасте (уход, мобильность, социальная изоляция, досуг).

Параллельно сохраняется критически низкая плотность социальных предприятий (0,9 на 10 тыс. населения в 2023 г.) и СОНКО (менее 8 на 10 тыс. населения с 2020 г.), что несопоставимо с показателями регионов-лидеров. Уязвимость позиций Липецкой области подтверждается высокой волатильностью ее рейтинга за анализируемый период, указывающей на неустойчивость мер поддержки и зависимость от формальных показателей, таких как реализация муниципальных программ поддержки СОНКО.

Демографический контекст региона усугубляет остроту проблемы. Несмотря на временное увеличение доли трудоспособного населения после изменения его возрастных границ, доля граждан старше трудоспособного возраста стабильно превышает 27 %, что значительно выше среднероссийского уровня. Этот процесс неизбежно влечет за собой рост потребности в специализированных, доступных и качественных услугах по уходу, поддержанию здоровья, социальному сопровождению и организации досуга пожилых людей. Ожидать решения этих задач исключительно от государственных учреждений при существующей нагрузке нереалистично.

Таким образом, основным выводом исследования является констатация несостоительности сложившейся модели социального предпринимательства в Липецкой области как эффективного инструмента смягчения последствий демографического старения. Существующая поддержка, фокусирующаяся преимущественно на формальных критериях отнесения к социальным предприятиям и количественных показателях СОНКО, не стимулирует развитие именно тех направлений деятельности, которые непосредственно отвечают на вызовы высокой демографической нагрузки пожилым населением.

Авторский вклад

Авторы внесли равный вклад в работу, представленную в статье.

Конфликт интересов

Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Первоочередной задачей региональных властей должна стать глубокая трансформация политики поддержки социального предпринимательства. Необходим целенаправленный сдвиг от поддержки статуса к стимулированию конкретной деятельности. Это требует разработки и реализации специальных программных мер, финансовых и нефинансовых механизмов (например, целевых грантов, льготных займов, имущественной поддержки, образовательных программ), нацеленных исключительно на создание и развитие предприятий, предлагающих инновационные и востребованные услуги для пожилых граждан. Критерии эффективности поддержки должны быть пересмотрены в сторону оценки реального социального воздействия в геронтологической сфере, а не только численности трудоустроенных льготных категорий или количества зарегистрированных организаций.

Реализация такого подхода позволит не только разгрузить государственную социальную инфраструктуру, но и, что более важно, существенно повысить качество жизни быстрорастущей когорты пожилых жителей Липецкой области, используя гибкость, клиентаориентированность и инновационный потенциал социального предпринимательства. Успешный опыт региона в привлечении частного сектора в здравоохранение свидетельствует о наличии возможностей; задача заключается в том, чтобы направить аналогичные усилия и ресурсы в сферу социальных услуг для старшего поколения, превратив социальное предпринимательство из формального статуса в реальный катализатор позитивных изменений. Игнорирование этого потенциала в условиях нарастающих демографических вызовов чревато усугублением социальной напряженности и снижением уровня благополучия значительной части населения региона.

Contribution of the authors

The authors contributed equally to this article.

Conflict of Interest

The authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

Библиографический список

1. Андреев, Е. М., & Харьков, А. Д. (2023). Региональные особенности демографического старения в России. *Демографическое обозрение*, 10(2), 6–32. [Andreev, E. M., & Kharkov, A. D. (2023). Regional Features of Demographic Aging in Russia. *Demographic Review*, 10(2), 6–32. (In Russian).] DOI: 10.17323/2500-4247.2023.10.2.6.32
2. Арай, Ю. Н., & Бурмистрова, Т. А. (2014). Специфика бизнес-моделей в социальном предпринимательстве. *Российский Журнал Менеджмента*, 12(4), 55–78. [Araj, Yu. N., & Burmistrova, T. A. (2014). Specificity of business models in social entrepreneurship. *Russian Journal of Management*, 12(4), 55–78. (In Russian).]
3. Артамонова, А. С. (2022). Социальное предпринимательство как инновационный фактор развития территории. *Проблемы развития территории*, 26(5), 73–87. [Artamonova, A. S. (2022). Social entrepreneurship as an innovative driver in territory's development. *Problems of Territory's Development*, 26(5), 73–87. (In Russian).] DOI: 10.15838/ptd.2022.5.121.6
4. Архипова, Е. Б., Старшинова, О. И., & Бородкина, О. И. (2023). Факторы развития негосударственного сектора социальных услуг в российских регионах. *Мир России. Социология. Этнология*, 32(4), 96–118. [Arkhipova, E. B., Starshinova, O. I., & Borodkina, O. I. (2023). Factors in the Development of the Non-State Sector of Social Services in Russian Regions. *The World of Russia. Sociology. Ethnology*, 32(4), 96–118. (In Russian).] DOI: 10.17323/1811-038X-2023-32-4-96-118
5. Баталина, М. Л., Московская, А. А., & Тарадина, Л. Д. (2007). *Обзор опыта и концепций социального предпринимательства с учетом возможностей его применения в современной России*. Москва: ГУ ВШЭ. [Batalina, M. L., Moskovskaya, A. A., & Taradina, L. D. (2007). *Review of experience and concepts of social entrepreneurship with the possibilities of its application in modern Russia*. Moscow: HSE University. (In Russian).]
6. Благов, Ю. Е., & Арай, Ю. Н. (2010). Социальное предпринимательство: проблемы типологии (предисловие к разделу). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 8: Менеджмент*, (3), 109–114. [Blagov, Yu. E., & Araj, Yu. N. (2010). Social Entrepreneurship: Challenges typology (preface to section). *Bulletin of St. Petersburg State University. Series 8: Management*, (3), 109–114. (In Russian).]
7. Благов, Ю. Е., & Арай, Ю. Н. (2014). Образовательные программы в области социального предпринимательства: мировой опыт и российские особенности. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 8: Менеджмент*, (3), 177–197. [Blagov, Yu. E., & Araj, Yu. N. (2014). Educational programs in the field of social entrepreneurship: international experience and Russian peculiarities. *Bulletin of St. Petersburg State University. Series 8: Management*, (3), 177–197. (In Russian).]
8. Быстрова, Е. Ю., & Широкова, Г. В. (2014). Что мы знаем о молодых предпринимательских фирмах? Определения, характеристики и факторы, влияющие на их рост. *Современная конкуренция*, (6), 69–101. [Bystrova, E. Y., & Shirokova, G.V. (2014). What do we know about new ventures? Definitions, characteristics and factors influencing their growth. *Journal of Modern Competition*, (6), 69–101. (In Russian).]
9. Вишневский, А. Г., & Иванова, А. А. (2022). *Демографическое старение и региональное развитие в России*. Москва: ИД «Дело» РАНХиГС. [Vishnevsky, A. G., & Ivanova, A. A. (2022). *Demographic aging and regional development in Russia*. Moscow: “Delo” Publishing House, RANEPA. (In Russian).]
10. Герсонская, И. В., Графов, А. В., & Ерусалимский, В. М. (2021). *Экономика развития: вызовы современности*. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС. [Gersonskaya, I. V., Grafov, A. V., & Yerusalimsky, V. M. (2021). *Development Economics: Challenges of Our Time*. Voronezh: NAUKA-UNIPRESS. (In Russian).]
11. Гурина, М. А., Васильева, С. И., Митрофанова, О. Н., & Щетинина, И. С. (2024). Перспективы развития и поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства на региональном уровне. *Экономика, предпринимательство и право*, 14(11), 6155–6178. [Gurina, M. A., Vasilyeva, S. I., Mitrofanova, O. N., & Shchetinina, I. S. (2024). Prospects for the development and support of small and medium-sized businesses at the regional level. *Economy, Entrepreneurship and Law*, 14(11), 6155–6178. (In Russian).] DOI: 10.18334/epp.14.11.122100
12. Захаров, А. И., & Кузнецова, М. В. (2023). Демографическое старение как вызов для устойчивого развития регионов Центральной России. *Региональные исследования*, 4(78), 45–58. [Zakharov, A. I., & Kuznetsova, M. V. (2023). Demographic aging as a challenge for sustainable development of the regions of Central Russia. *Regional Studies*, 4(78), 45–58. (In Russian).] DOI: 10.3928/2074-5833-202304-04
13. Калякина, А. С., & Рязанцев, С. В. (2021). Социальные последствия демографического старения в сельских территориях России. *Социологические исследования*, (11), 52–60. [Karyakina, A. S., & Ryazantsev, S. V. (2021). Social consequences of demographic aging in rural areas of Russia. *Sociological research*, (11), 52–60. (In Russian).] DOI: 10.31857/S013216250018634-3
14. Кисова, А. Е. (2024). Социальное предпринимательство как инструмент обеспечения занятости пассивной части трудового потенциала. *Трудовые ресурсы и рынок труда: современные формы, виды в условиях цифровизации общества (региональный аспект)*. Курск: Университетская книга,

- 26–75. [Kisova, A. E. (2024). Social entrepreneurship as a tool for ensuring employment of the passive part of the labor potential. In: *Labor resources and the labor market: modern forms, types in the context of digitalization of society (regional aspect)*. Kursk: Universitetskaya kniga, 26–75. (In Russian).]
14. Козлова, Е. И., & Титова, О. В. (2023). Изменения в возрастной структуре населения Липецкой области после повышения пенсионного возраста. *Бизнес. Образование. Право*, 4(65), 76–80. [Kozlova, E. I., & Titova, O. V. (2023). Changes in the age structure of the population of the Lipetsk region after raising the retirement age. *Business. Education. Law*, 4(65), 76–80. (In Russian).] DOI: 10.25683/VOLBI.2023.65.818
15. Московская, А. А. (2011). *Социальное предпринимательство в России и в мире: практика и исследования*. Москва: НИУ Высшая школа экономики. [Moskovskaya, A. A. (2011). *Social entrepreneurship in Russia and in the world: Practice and Research*. Moscow: NRU Higher School of Economics. (In Russian).]
16. Недоспасова, О. П., Павлова, И. А., Барышева, Г. А., & Рождественская, Е. М. (2021). Формирование запроса на социальное предпринимательство в интересах старшего поколения (на примере Томской области). *Вестник Томского государственного университета*, (463), 87–97. [Nedospasova, O. P., Pavlova, I. A., Barysheva, G. A., & Rozhdestvenskaya, E. M. (2021). Formation of demand for social entrepreneurship in the interests of the older generation (on the example of the Tomsk region). *Bulletin of Tomsk State University*, (463), 87–97. (In Russian).] DOI: 10.17223/15617793/463/11
17. Ромашенко, Т. Д., & Кисова, А. Е. (2020). Социальные инновации: содержание, субъектные формы и классификация. *Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление*, (3), 25–33. [Romashchenko, T. D., & Kisova, A. E. (2020). Social innovations: content, subject forms and classification. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management*, (3), 25–33. (In Russian).] DOI: 10.17308/econ.2020.3/3102
18. Ромашенко, Т. Д., Канищев, В. П., & Кисова, А. Е. (2018). Социальное предпринимательство: особенности и перспективы развития в России. *Экономика и предпринимательство*, 1(90), 457–461. [Romashchenko, T. D., Kanishchev, V. P., & Kisova, A. E. (2018). Social entrepreneurship: features and development prospects in Russia. *Economy and entrepreneurship*, 1(90), 457–461. (In Russian).]
19. Шамрина, И. В., & Кисова, А. Е. (2021). *Устойчивое развитие России в постпандемийном мире: социально-экономические вызовы, векторы трансформации, траектории эффективного управления*. Тамбов: Издательский дом «Державинский». [Shamrina, I. V., & Kisova, A. E. (2021). *Sustainable development of Russia in the post-pandemic world: socio-economic challenges, transformation vectors, effective management trajectories*. Tambov: "Derzhavinsky" Publishing House. (In Russian).]
20. Широкова, Г. В., & Богатырева, К. А. (2014). Взаимосвязь предпринимательской ориентации и результатов деятельности фирмы: результаты исследования российских фирм малого и среднего бизнеса. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 8: Менеджмент*, (1), 3–21. [Shirokova G. V., & Bogatyreva, K. A. (2014). The relationship of entrepreneurial orientation and firm performance: results of Russian companies to small and medium-sized businesses. *Bulletin of St. Petersburg State University. Series 8: Management*, (1), 3–21. (In Russian).]
21. Шохова, В. В. (2015). Социальное предпринимательство: концепция, сущность и значение. *Современная конкуренция*, 9(52), 77–99. [Shokhova, V. V. (2015). Social entrepreneurship: the essence, the concept, features and characteristics of the social enterprise, social entrepreneur. *Journal of Modern Competition*, 9(52), 77–99. (In Russian).]
22. Fernández-Guadano, J., & Diez, R. M. (2024). Social Entrepreneurship Impact in Ten EU Countries with Supportive Regulations. *Journal of the Knowledge Economy*, (15), 10781–10798. DOI: 10.1007/s13132-023-01513-4
23. Gigauri, I., Panait, M., Apostu, S. A., & Raimi, L. (2022). The Essence of Social Entrepreneurship through a Georgian Lens: Social Entrepreneurs' Perspectives. *Administrative Sciences*, 12(3), 75. DOI: 10.3390/admsci12030075
24. Halsall, J. P., Snowden, M., Clegg, P., Mswaka, W., Alderson, M., HyamsSsekasi, D., Oberoi, R., & Winful, E. C. (2022). Social enterprise as a model for change: mapping a global crossdisciplinary framework. *Entrepreneurship Education*, (5), 425–446. DOI: 10.1007/s41959-022-00084-w
25. Katalin, G., & Pásztor, R. (2022). Theoretical Aspects of Social Enterprises. *Papers in Arts and Humanities*, 2(2), 125–145. DOI: 10.52885/pah.v2i2.109
26. Kozlova, E. I., & Titova, O. V. (2022). Time Series of Regional Demographic Burden and the Impact on them of Changes in the Pension Legislation of the Russian Federation. *4th International Conference on Control Systems, Mathematical Modeling, Automation and Energy Efficiency (SUMMA)*. IEEE, 237–240. DOI: 10.1109/SUMMA57301.2022.9974090
27. Scheuerle, T., Gläzel, G., Knust, R., & Then, V. (2013). Social Entrepreneurship in Deutschland – Potentiale und Wachstumsproblematiken. *Gesamtbericht. Beratung. Advisory services*. Centre for Social Investment, University of Heidelberg. DOI: 10.13140/RG.2.1.2206.1925
28. Terziev, V., Bencheva, N., Stoeva, T., & Georgiev, M. (2020). Social entrepreneurship in the EU: a cross-country analysis. *International E-Journal of Advances in Social Sciences*, 6(16), 37–44.

Ромашенко Татьяна Дмитриевна, д-р экон. наук, профессор, Воронежский государственный университет, Воронеж, Российская Федерация

E-mail: taroma-vrn@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0003-1485-0244

Козлова Елена Ивановна, канд. экон. наук, доцент, Липецкий государственный технический университет, Липецк, Российская Федерация

E-mail: kozlova.e.i@kzlvs.com
ORCID ID: 0000-0001-5116-6543

Кисова Анна Евгеньевна, канд. экон. наук, доцент, Липецкий государственный технический университет, Липецк, Российская Федерация

E-mail: zaumka84@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-7921-6303

Получена 17.09.2025

Получена в доработанном виде 06.11.2025

Одобрена 25.11.2025

Tatiana D. Romashchenko, Dr. Sci. (Econ.), Prof., Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation

E-mail: taroma-vrn@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0003-1485-0244

Elena I. Kozlova, Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russian Federation

E-mail: kozlova.e.i@kzlvs.com
ORCID ID: 0000-0001-5116-6543

Anna E. Kisova, Cand. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., Lipetsk State Technical University, Lipetsk, Russian Federation

E-mail: zaumka84@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-7921-6303

Received 17.09.2025

Revisited 06.11.2025

Accepted 25.11.2025